

УДК 165.6+165.9

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-13-22

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ МИФА И ПАРАДИГМА ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Яровенко С. А.

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева 660037, г. Красноярск, пр-т. им. газеты «Красноярский рабочий», д. 31, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Осмыслить миф как рациональный феномен в контексте постсциентистской мировоззренческой установки, как поиск нового типа рациональности и новой модели соотношения научного и вненаучного знания. Подобное понимание природы мифа становится возможным в ситуации переоценки идеалов классического гиперрационализма и формирования новой парадигмы гносеологического плюрализма в эпистемологии.

Процедура и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составляют современные концепции рациональности, мифа, вненаучного знания.

Результаты. Основным результатом проведённого исследования является обоснование современной тенденции легитимации мифа в качестве формы рациональности, наряду с иными «вненаучными» духовными феноменами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят теоретический вклад в современную теорию познания, философию науки и философию мифа.

Ключевые слова: миф, наука, вненаучное знание, рациональность, парадигма гносеологического плюрализма

RATIONALITY OF THE MYTH AND PARADIGM OF GNOSEOLOGICAL PLURALISM

S. Yarovenko

*Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
31, Krasnoyarskii rabochii prospekt, Krasnoyarsk, 660037, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To comprehend the myth as a rational phenomenon in the context of a post-scientist worldview, the search for a new type of rationality and a new model of the relationship between scientific and non-scientific knowledge. Such an understanding of the myth becomes possible in the situation of the reevaluation of the classical hyper-rationalism ideals and formation of a new paradigm of gnoseological pluralism in epistemology.

Methodology. Modern concepts of rationality, myth, and non-scientific knowledge provide the theoretical and methodological basis for the research.

Results. The main result of the research is the justification of the modern tendency to legitimize the myth as a form of rationality, along with other “non-scientific” mental phenomena.

Research implications. The results of the research make a theoretical contribution to modern theory of cognition, philosophy of science and philosophy of myth.

Keywords: myth, science, non-scientific knowledge, rationality, paradigm of gnoseological pluralism

Введение

В современных гносеологических исследованиях осмысливается факт сосуществования многообразных когнитивных практик, констатируется семантическая неопределенность самой категории «рациональность», создаются различные классификации «рациональности»: научная и ненаучная, закрытая и открытая, классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность и т. п. **Обобщая итоги философских дискуссий 90-х гг. XX в. о природе рациональности**, П. С. Гуревич отмечает, что для западной философии конца XX в. характерна «отчетливая тенденция к расширительному истолкованию понятия рациональности» [2, с. 173–174], к поиску нового типа рациональности. Данная тенденция сохраняет свою актуальность до сегодняшнего дня.

Целью исследования является осмысление мифа как рационального феномена, что предполагает решение задач: прояснение взаимоотношений мифа и науки в условиях становления нового типа рациональности; анализ проблемы легитимации вненаучных форм знания в рамках парадигмы гносеологического плюрализма.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют современные концепции рациональности, мифа, вненаучного знания. Актуальность заявленной тематики находит отражение в популяризации проблем рациональности, вненаучного знания, мифологического сознания в современной зарубежной и отечественной философии. Постнеклассическое понимание рациональности формируется в теориях философии науки (М. Полани, К. Р. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд, К. Хьюбнер и др.). Среди отечественных философов в изучение рациональности, критериев научности значительный вклад внесли П. П. Гайденко, Б. С. Грязнов, П. С. Гуревич, В. А. Лекторский, Ю. М. Лотман, В. И. Мудрагей, М. К. Мамардашвили, В. В. Налимов, А. Л. Никифоров, В. Н. Порус, В. С. Стёпин, В. С. Швырев и др. Исследования, направленные на осмыс-

ление плюрализма специфических форм рациональности представлены в отечественной философской традиции такими авторами, как Н. С. Автономова, М. М. Бахтин, В. С. Библер, И. Т. Касавин, Н. И. Мартишина, Л. А. Микешина и др. Феномен рациональности мифа находит обоснование в трудах Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, Б. Малиновского, Э. Тайлора, К. Хьюбнера и др. Анализ свойств мифологического сознания, логики мифа, его онтологических, гносеологических оснований представлен в работах Ф. В. Й. Шеллинга, Э. Кассирера, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, Р. Барта, К. Хьюбнера, М. Элиаде, К. Ямме и др., а также в исследованиях отечественных философов Н. С. Автономовой, Я. Э. Голосовкера, А. В. Гулыги, И. Т. Касавина, А. М. Лобока, А. Ф. Лосева, Е. М. Мелетинского, В. М. Найдыша, Ю. С. Осаченко, В. М. Пивоева, В. Я. Проппа, А. М. Пятигорского, М. И. Стеблина-Каменского, А. В. Ульяновского, О. М. Фрейденберг и др.

Философский дискурс конца XX – начала XXI вв. актуализировал, по убеждению Б. Л. Яшина, проблему «новой рациональности, выходящей за пределы рациональности научной и включающей в себя всевозможные когнитивные практики» [27, с. 75]. И. З. Шишков видит её как «рациональность», в которую «всё больше втягиваются миф и другие традиционные формы знания, которые уравниваются в правах с наукой» [20, с. 46].

Кризис европейского рационализма, безоговорочной веры в силу разума, науки актуализирует необходимость рассмотрения новой когнитивной парадигмы. Отказ от отождествления понятий «рациональность» и «научная рациональность» открывает горизонт понимания как «рациональных» по своей природе, вненаучных когнитивных практик, позволяет признать рациональность и истинность не только научных, но и вненаучных форм познания.

Автор исследования «Рациональность в структуре познания и деятельности» Н. В. Дрянных убеждена: «перед современными исследователями стоит задача ... при-

знания многомерного образа реальности, ... необходимости по-новому взглянуть на научную рациональность, осуществить синтез науки с различными формами познания на основе отношения дополнительности» [3], диалога между ними.

Миф и наука: проблема диалога

Традиционно возможности научного прогресса связывались с процессами рационализации, «расколдовывания мира» (М. Вебер), демифологизации, однако в рамках классической философии можно выделить две противоположные тенденции, фиксирующие отношения мифа и науки: с одной стороны – попытки определения мифа как архаичной науки, выполняющей примитивную познавательную функцию (антропологическая школа – Э. Тайлор и др.), с другой стороны – противопоставление мифа и науки как антиподов.

Достаточно амбивалентно оценивая гносеологическую функцию мифа, современная философия, в целом, преодолела понимание мифа в рамках «теории пережитков» как примитивного научного знания. Представление мифа в качестве примитивной науки – незвистично, поскольку при этом искажаются аутентичные черты и мифа, и науки. Специфичность мифологического и научного знания четко очерчивается при их сравнительном диахронном и синхронном анализе. Новый взгляд на формулу «От Мифа к Логосу» раскрывает генезисную связь мифа и науки (так, к примеру, А. В. Семушкин убежден в том, что миф по отношению к науке выступает как метатеория [15, с. 26]), позволяет осознать невозможность тотальной демифологизации, преодоления мифа усилиями научной картины мира.

Наука, имеющая, как и все феномены духовной культуры, генезисную связь с мифом, является специфичной формой познания мира и не совпадает с мифом, но, по глубокому убеждению А. Ф. Лосева, наука, как исторический феномен, – всегда в известной степени мифологизирована: «... если брать реальную науку, то есть науку, ре-

ально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпая из нее свои исходные интуиции» [9, с. 43]. А. Ф. Лосев утверждает, что в основе любой реальной научной системы лежит «...мифология, которая ничем не доказана, ничем не доказуема и которая ничем и не должна быть доказываема» [9, с. 44].

Разумеется, панмифологическое отождествление науки с мифом нецелесообразно, так как при этом искажается специфика этих феноменов и критерии их анализа. Но неправомерно и игнорирование возможностей мифологизации науки, как и любого культурного феномена, каждый из которых способен функционировать как миф.

Характерное для классической философии понимание мифа как антипода науки, основанное на внеисторическом понимании феноменов рациональности и науки и их тождества и на принципиальной недооценке мифа как способа построения непротиворечивой (для её носителей) картины мира, в современной философии переосмыслено как проблема дополняющих друг друга рациональных способов мировосприятия. Такое решение проблемы антагонизма мифа и науки стало возможным на основе нового видения проблемы демаркации научного и вне-научного знания и пересмотра критериев самой рациональности.

Несмотря на тот факт, что по-прежнему довольно устойчивой является традиция трактовки мифа как принципиально «иррационального феномена», в современной философии, на основе переоценки идеалов классического гиперрационализма, складывается установка понимания мифа и науки как равноценных форм рационального постижения действительности на основе легитимации истины, логики, рациональности мифа. При этом в силу несовпадения значений понятий «теоретическое» и «рациональное» понимание мифа как формы рационального постижения мира не отменяет свойства принципиальной нетео-

ретичности мифа как мировоззренческого феномена.

Рационализация мифа, преодоление тотального разрыва между наукой и мифом находят выражение как в современной философии мифа, так и в философии науки, в неудовлетворенности категоричностью оппозиции «научное – не научное» и стремлении к созданию иных классификаций. Так, к примеру, П. Фейерабенд, высоко оценивая мифосознание как своеобразный и высокоэффективный способ познания мира, подчеркивает, что в мифе выражаются неизвестные и недоступные науке связи. По убеждению П. Фейерабенда, не только «миф гораздо ближе к науке, чем это представляется с философской точки зрения», но и «наука гораздо ближе к мифу, чем это готова допустить философия науки» [17, с. 138–139, 450].

Для современного исследования мифа недопустимость антагонизации отношений мифа и науки – принципиальная позиция. А. Ф. Лосев, к примеру, убежден, что миф – абсолютно вненаучен, для мифологического сознания нет никакого научного опыта, но, при этом нельзя ради доведения противоположности мифа и науки до абсурда игнорировать закономерности мифа. В мифе есть своя, мифическая же, истинность и достоверность [9, с. 49, 55].

Таким образом, современная философия деактуализирует примитивизирующие миф представления, в которых миф предстает как архаичная наука с доминирующей гносеологической функцией. Также понимание мифа в качестве генетического истока современных форм духовной культуры, в том числе и науки, позволяет исключить абсолютную поляризацию мифа и науки как антиподов.

Обоснование рациональности мифа

Переосмысление представлений о привилегированном месте науки в системе культуры в концепциях О. Шпенглера, Э. Кассирера, Г. Г. Гадамера, П. Фейерабенда позволяет увидеть в науке культурный фактор, равноправный и не обладающий никакими преимуществами в при-

обретения истинного знания, в сравнении с другими феноменами духовной культуры Миф, при этом, понимается как «первая форма рационального постижения мира», не как «иное» разума, а как «иная форма рационального» [14, с. 189], как «высшая форма системности (то есть рациональности) обыденного сознания» [1, с. 177].

Исследуя отношение мифа и рациональности, Г. Н. Оботурова в работе «Миф в структуре познания и деятельности» стремится к рассмотрению мифа как специфической формы рациональности, «всевозможности» мифической логики [13]. При этом миф как одна из специфических форм рациональности понят как образно-понятийный, эмоционально-чувственный, ценностно-смысловой способ интерпретации мира. Как отмечает Н. В. Дрянных: «отличие мифа от других типов рациональности состоит в том, что он не дифференцирует мир на отдельные состояния, воспринимает его цельно, в единстве объективного и субъективного, идеального и реального, сознательного и бессознательного, естественного и сверхъестественного» [3].

Многие современные исследователи мифа отмечают, что «понимание мифа как формы рациональности не столько объективно рационализирует миф, сколько свидетельствует о стремлении к новому обоснованию рациональности» [23]. Говоря о рациональности мифа, О. А. Карлова в своей работе «Миф разумный» [5, с. 20] настаивает на употреблении термина «мифологический тип рациональности», полагая его наиболее корректным. По определению О. А. Карловой, мифологическая рациональность устанавливается с позиции всеобщей диалектики мифа, где миф раскрывается оформлениями совершенства: упорядоченностью, сложностью, организованностью, системностью, диалектическим противоречием, гармонией, красотой, всеобщей связью явлений, выступающими в качестве стандарта рациональности [4, с. 20].

Миф, понятый не только как альтернативный способ познания истины (Г. Г. Гадамер, П. Фейерабенд и др.), но и форма рационального постижения мира, получает в совре-

менной культуре легитимность и более высокий гносеологический статус. Так, в работе «Критика научного разума» К. Хюбнер демонстрирует, что традиционно понимаемый как иррациональный и противостоящий науке, миф, в действительности, характеризуется рациональностью, обусловленной отличием от научного, специфическим, понятием опыта.

К. Хюбнер утверждает, что никакой внеисторической рациональности не существует: научный разум, рациональность вообще, принципиально историчны [7, с. 190–191]. «Рациональность» К. Хюбнер понимает как «семантическую интерсубъективность» и различает четыре вида рациональности: эмпирическую, логическую, операциональную и нормативную. По убеждению К. Хюбнера, рациональность есть нечто формальное и индифферентна к содержанию, будь то содержание науки или содержание мифа.

Характерный для мифологического сознания тип рациональности рассмотрен у К. Хюбнера в работе «Истина мифа», где автор демонстрирует, что в обладании рациональностью наука не имеет преимуществ перед мифом, поскольку рациональность относится лишь к форме обоснования. Наука, как и миф, есть исторически обусловленный способ интерпретации реальности, и рациональность науки исторична, как и сама наука. Следовательно, на основе сравнения системы научной и мифической онтологии, допустимо определить миф как замкнутую онтологическую систему, обладающую априорным фундаментом и рациональностью как эмпирической, логической, операциональной и нормативной интерсубъективностью.

На основании сравнительного анализа онтологических систем науки и мифа Хюбнер приходит к выводу [19, с. 248–249, 254, 265, 350]:

– «в аспекте эмпирической интерсубъективности опыт в мифе столь же обоснован, как и в науке и «превосходство» науки над мифом – историческое явление и не выражается в большей рациональности или истинности науки;

– семантическая интерсубъективность мифа несравнима с научной, но аналогична семантической интерсубъективности характерной для всех сфер человеческой деятельности (науки, «жизненного мира» обыденности и т. д.), а, следовательно, наука не обладает семантическим преимуществом перед мифом;

– лежащая в основе мифа онтология построена не менее систематично чем онтология науки, а значит, миф обладает собственной, мифической логикой;

– в отношении нормативных целей мифа и науки вообще исключен рациональный выбор» [25, с. 217–218].

Тем самым, по утверждению К. Хюбнера, «поскольку наука не рациональнее мифа, миф, в силу своей принципиальной "ненаучности", наукой опровергнут быть не может, а в силу несоизмеримости мифа и науки, неправомерна и критика мифа с позиции науки, что позволяет представить сам выбор между научной и мифической объясняющими моделями как исключительно мифическое явление» [25, с. 218].

Таким образом, «рациональная структура мифического и научного опыта – одинакова и инвариантна» [23].

В контексте современной ремифологии, рационализация мифа, как обладающего собственной «логикой» (К. Леви-Стросс, Я. Э. Голосовкер, М. Лифшиц и др.), «истинной» (Э. Кассирер, М. Элиаде, А. Ф. Лосев и др.), «рациональностью» (К. Хюбнер, К. Ямме, Б. Л. Губман, Н. С. Автономова и др.), категориальной структурой, выступает как средство повышения его гносеологической и социокультурной значимости.

К вопросу о легитимации вне-научных форм знания

Характерное для современной философии обоснование мифа как формы рационального постижения мира сопряжено с проблемами поиска новых исторических типов рациональности и рационализации вне-научного познания.

Обращение к проблеме сопоставления мифа и науки как культурных феноменов и рациональных систем знания целесообразно через призму более широкого контекста – сопоставления научного и вненаучного знания. В современной литературе констатируется наличие серьезных разногласий в классификации вне-научных форм знания, связанное с неопределенностью, полисемантической природы понятия «ненаучное» («вне-научное») знание [6, с. 14]. Нерешённость до сегодняшнего дня демаркационной проблемы сопряжена с размытостью, нечёткостью границ самого вненаучного знания.

В современной философской рефлексии в последние десятилетия сложился ряд репрезентативных позиций по проблеме демаркации научного и вненаучного знания [23, с. 88–107].

Так, для Н. И. Мартишиной принципиальным решением терминологической неопределённости является дифференциация понятия «вне-научное знание» и использование его для обозначения претендующих на статус научности типов знания (знание обыденное, религиозное, художественное, философское, мифологическое и т. д.). При этом всю совокупность ненаучных форм знания, которые стремятся к обладанию научным статусом (антинаука, лженаука, народная наука, паранаука, псевдонаука и др.), целесообразно, по мнению Н. И. Мартишиной, именовать термином «околонаучное знание» [10, с. 7–10]. Созвучна данной позиция В. А. Лекторского, для которого процесс конституирования науки связан с принципиальным отделением её от вне-научного знания (обыденное знание, искусство и т. п.), которое не позиционирует себя в качестве знания научного, и с противостоянием псевдонауке, которая выдает себя за науку [8, с. 3–4]. Тем самым задаётся определенная первичная классификация форм знания, выходящих за пределы науки.

В современных исследованиях фиксируется неэвристичность оценочного подхода к изучению вненаучных форм зна-

ния исключительно через их сравнение, сопоставление с наукой. Для действительно адекватного понимания природы вненаучного знания, оно должно изучаться на собственных основаниях, как специфический способ понимания мира, с собственными же стандартами и эталонами. Необходима реализация фундаментальной методологической установки на исследование вненаучных форм сознания как самостоятельных и автономных по отношению к науке способов познания мира, где миф не есть «недонаука», религия – не «антинаука», а философия – не «наука наук» [10, с. 6–7].

В то же время, развитие идеи культурного плюрализма, с точки зрения И. Т. Касавина, невозможно в условиях резкого антагонизма науки и иных форм познавательной деятельности. Касавин убеждён, что в ситуации актуализации принципов толерантности в современной социокультурной рефлексии доминирующими философскими установками в отношении теории познания должны являться признание исторической изменчивости критериев научности и легитимного статуса многообразных форм «вне-научного» знания, недопустимость оценки свойств знания с позиций сциентизированных догматических стандартов рациональности. Именно на философии лежит задача поиска оснований для признания за огромным и ценным массивом вненаучного человеческого опыта статуса «нормального знания» [6, с. 12, 14].

Одним из факторов актуализации проблематики демаркации научного и вне-научного знания является ситуация противостояния мировоззренческих установок сциентизма и антисциентизма.

Сциентизм – это установка абсолютизации, мифологизации науки. Столкновение в современном постклассическом философствовании мировоззренческих позиций сциентизма и антисциентизма является свидетельством утраты наукой абсолютной монополии на «рациональность», так как и во вненаучных формах культуры обнаруживается своя истина,

логика, своя рациональность, не сводима к научной. Тем самым, миф, искусство, мораль, религия, обыденное сознание получают статус легитимных форм рационального постижения действительности.

По мнению Н. И. Мартишиной, одним из значимых факторов в гносеологии второй половины XX в. стало утверждение «концепции многообразия видов познания» [11, с. 21], имеющей в современной эпистемологии статус парадигмы. Эта парадигма гносеологического плюрализма центрируется вокруг идеи об особом значении и роли вне-научного знания, которое рассматривается не как «недонаука», а как оригинальное, самодостаточное знание, имеющее своё основание и «когнитивную нишу» [11, с. 21].

Однако, как особо подчёркивает Н. И. Мартишина, невозможность подлинной реализации позиции «радикального гносеологического плюрализма» [11, с. 24] сопряжена с инерцией сциентистской установки. Н. И. Мартишина вынуждена признать проблематичность реального легитимного уравнивания науки и вне-научного знания как однопорядковых когнитивных стратегий. Когда это постулирует, к примеру, П. Фейерабенд, он, по определению Н. И. Мартишиной: «стремится скорее сломать стереотип, согласно которому позитивным знанием является только наука, а все остальное вообще не является знанием» [11, с. 24].

Тем самым, констатирует Н. И. Мартишина, имеет место «разрыв между декларируемым принятием парадигмы гносеологического плюрализма и реальным следованием ей в конкретных исследованиях в рамках теории познания» [11, с. 21].

Зафиксированное Н. М. Мартишиной сопротивление сциентизированной культурной традиции укоренению парадигмы гносеологического плюрализма, предстающей скорее как виртуальная модель, как «абсолютизированная точка зрения» [11, с. 21] свидетельствует о том, что преодоление классически-нормативного понимания науки отнюдь не беспроблемно. Однако, как справедливо

полагает Н. М. Мартишина: «увидеть вариативность норм познания, обнаружить границы научной формы рациональности ... – одна из важнейших потребностей современной теории познания» [11, с. 24].

Заключение

Маятниковые колебания, поочередная смена культурных состояний демифологизации и ремифологизации обуславливает культурно-историческую диалектику мировоззренческих установок сциентизма и антисциентизма, рационализма и иррационализма. Будучи, каждая в отдельности, – мифом, эти культурные антитезы поочередно демифологизируют друг друга: «сциентизм – миф науки; антисциентизм – её демифологизация, и одновременная мифологизация, абсолютизация сферы вне-научного знания и его возможностей» [25, с. 225]; рационализм – миф «рацио», иррационализм – его демифологизация и, одновременно, мифологизация, абсолютизация неразумия.

Если рассматривать феномен популярности тенденции рационализации способов вне-научного познания в контексте актуальности иррационалистических мотивов в постклассической духовной ситуации, обращение к сфере «рацио» представляется нетипичным именно в силу доминирования мифологии неразумия. В XX в. эпоха Просвещения с её нескритическим оптимизмом, стремлением к тотальной демифологизации, идеалами сциентизма и научно-технического прогресса, страстью к разуму сама была названа мифом [18]. «Рацио» было демифологизировано, десакрализовано. Переосмыслены прелестные, но утопические иллюзии гиперрационализма, к разуму стали относиться более прагматично, трезво, без наивного пафоса, но тяга к «рацио» и оптимистичные надежды оказались неистребимыми, поскольку по-прежнему «рацио» – категория не столько когнитивная, сколько экзистенциальная и означает не столько путь и средство познания, сколько мифологическую надежду и веру в предданную

упорядоченность и разумность мира [21, с. 281–286].

Обоснование рациональности мифа в контексте современной ремифологизации способствует утверждению парадигмы гносеологического плюрализма и выража-

ет общекультурную тенденцию реабилитации, актуализации мифа, повышения его гносеологической значимости, как обладающего собственной «логикой», «истиной».

Статья поступила в редакцию 05.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 286 с.
2. Гуревич П. С. Поиск новой рациональности (по материалам трех всемирных конгрессов) // Рациональность как предмет философского исследования: сборник научных статей / под ред. Б. И. Пружинина, В. С. Швырева. М.: ИФРАН, 1995. С. 209.
3. Дрянных Н. В. Рациональность в структуре познания и деятельности: дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 138 с.
4. Карлова О. А. Миф и мифологическое сознание: гносеологические и онтологические основания: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Красноярск, 2001. 43 с.
5. Карлова О. А. Миф разумный. М.: Московский писатель, 2001. 208 с.
6. Касавин И. Т. Постигая многообразие разума (Вместо введения). Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. 464 с.
7. Лекторский В. А. К. Хьюбнер. Критика научного разума // Вопросы философии. 1996. № 1. С. 190–191.
8. Лекторский В. А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Научные и вненаучные формы мышления. М.: Институт философии РАН, 1996. 336 с.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с.
10. Мартишина Н. И. Когнитивные основания паранауки. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 1996. 187 с.
11. Мартишина Н. И. Концепция многообразия видов познания: о некоторых следствиях парадигмы // Гуманитарные исследования. 2016. № 1 (10). С. 21–24.
12. Михалевская А. С. Миф и наука: проблемы взаимодействия в современном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2015. 142 с.
13. Оботурова Г. Н. Миф в структуре познания и деятельности: дис. ... докт. филос. наук. Вологда, 1999. 337 с.
14. Плотников Н. С. Кристоф Ямме. Пределы и перспективы современных философских теорий мифа // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 188–189.
15. Семушкин А. В. Мифологический и эмпирический истоки философского знания // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1990. 380 с.
16. Ставицкий А. В. Наука и миф: проблема взаимной дополнительности // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. С. 247–251.
17. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
18. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум: Ювента, 1997. 312 с.
19. Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
20. Шишков И. З. Современная философия в поисках новой рациональности // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: материалы VI Российского философского конгресса, Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. В 3 т. Т. 1. Н. Новгород, 2012. С. 46.
21. Яровенко С. А. Когнитивистская психокоррекция личности: возвращение мифа «рацио» // Берестень: философско-культурологический альманах. 2009. № 1 (3). С. 281–286.
22. Яровенко С. А. Мировоззренческие основания современной философии мифа: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2000. 176 с.
23. Яровенко С. А. Научное и вненаучное знание: мифология демаркации // Эпистемология & философия науки: ежеквартальный научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2008. Т. XVIII. № 4. С. 88–107.

24. Яровенко С. А. «Objectifying» and «ontologizing» paradigms in history of philosophical reflection of myth // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 5. № 2. С. 212–221.
25. Яровенко С. А. Современное социогуманитарное познание: мифологизм теоретических и методологических установок // Философия образования. 2010. № 4 (33). С. 220–228.
26. Яровенко С. А. Рациональность мифа: к вопросу о легитимации внеученных форм знания // Наука, образование и современные проблемы диалога культур. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2002. С. 35–39.
27. Яшин Б. Л. Рациональность и логическое мышление // Философская мысль. 2015. № 10. С. 75–87.

REFERENCES

1. Avtonomova N. S. *Rassudok. Razum. Ratsional'nost'* [Reason. Mind. Rationality]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 286 P.
2. Gurevich P. S. [Search for a new rationality (based on the materials of three world congresses)] In: B. I. Pruzhinin, V. S. Shvyrev, eds. *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a subject of philosophical research] Moscow, IFRAN Publ., 1995, pp. 209.
3. Dryannykh N. V. *Ratsional'nost' v strukture poznaniya i deyatelnosti: dis. ... kand. filos. nauk* [Rationality in the structure of cognition and activity: PhD thesis in Philosophy sciences]. Moscow, 2004. 138 p.
4. Karlova O. A. *Mifi i mifologicheskoe soznanie: gnoseologicheskie i ontologicheskie osnovaniya: avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk* [Myth and mythological consciousness: epistemological and ontological foundations: abstract of D. thesis in Philosophy sciences]. Krasnoyarsk, 2001. 43 p.
5. Karlova O. A. *Mif razumnyi* [Reasonable myth]. Moscow, Moskovskii pisatel' Publ., 2001. 208 p.
6. Kasavin I. T. *Postigaya mnogoobrazie razuma (Vместо введения). Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobrazie vnenauchnogo znaniya* [Comprehending the Diversity of Mind (Instead of an Introduction). Delusional Mind? Diversity of Extra-scientific Knowledge]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 464 p.
7. Lektorskiy V. A. [K. Huebner. Criticism of scientific reason]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 1996, no. 1, pp. 190–191.
8. Lektorskiy V. A. [Scientific and Non-scientific Thinking: Slippery Boundary]. In: *Nauchnye i vnenauchnye formy myshleniya* [Scientific and extra-scientific forms of thinking]. Moscow, RAS Publ., 1996. 336 p.
9. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 558 p.
10. Martishina N. I. *Kognitivnye osnovaniya paranauki* [The cognitive foundations of para-science]. Omsk, Omskiy gosudarstvennuy universitet Publ., 1996. 187 p.
11. Martishina N. I. [The concept of the cognition type's diversity: on some consequences of the paradigm]. In: *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities research], 2016, no. 1 (10), pp. 21–24.
12. Mikhalevskaya A. S. *Mif i nauka: problemy vzaimodeistviya v sovremennoy obshchestve: dis. ... kand. filos. nauk* [Myth and Science: Problems of Interaction in Modern Society: PhD thesis in Philosophical sciences]. Ivanovo, 2015. 142 p.
13. Oboturova G. N. *Mif v strukture poznaniya i deyatelnosti: diss. ... dokt. filos. nauk* [Myth in the structure of cognition and activity: PhD thesis in Philosophical sciences]. Vologda, 1999. 337 p.
14. Plotnikov N. S. [Christoph Yamme. Limits and prospects of modern philosophical theories of myth]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 1993, no. 5, pp. 188–189.
15. Semushkin A. V. [Mythological and empirical origins of philosophical knowledge]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 380 p.
16. Stavitskii A. V. [Science and myth: the problem of mutual complementarity.] In: *Mif v istorii, politike, kul'ture: sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchnoy mezhdisciplinarnoy konferentsii* [Myth in history, politics, culture: collection of materials of the III International scientific interdisciplinary conference]. Sevastopol, Branch of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 2019, pp. 247–251.
17. Feierabend P. [Against the methodological compulsion]. In: *Feierabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Moscow, Progress Publ., 1986, 542 p.
18. Horkkheimer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments]. Moscow, St. Petersburg, Medium Publ., Yuventa Publ., 1997. 312 p.
19. Huebner K. *Istina mifa* [The truth of the myth]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 448 p.
20. Shishkov I. Z. [Philosophy in the modern world: dialogue of worldviews]. In: *Filosofiya v sovremennoy mire: dialog mirovovzrenij: Materialy VI Rossijskogo filosofskogo kongressa, Nizhniy Novgorod, 27–30 iyu-*

- nya 2012 g. [Proceedings of the VI Russian Philosophical Congress, Nizhny Novgorod, 27–30, June 2012, vol. 1]. N. Novgorod, 2012, pp. 46.
21. Yarovenko S. A. [Cognitive psycho-correction of personality: the return of the myth of "rationality"]. In: *Beresten': filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh*. [Beresten: a philosophical and cultural almanac], 2009, no. 1(3), pp. 281–286.
 22. Yarovenko S. A. *Mirovozzrencheskie osnovaniya sovremennoi filosofii mifa: dis. ... kand. filos. nauk* [Worldview foundations in the modern philosophy of myth: PhD thesis in Philos. sciences]. Krasnoyarsk, 2000. 176 p.
 23. Yarovenko S. A. [Scientific and non-scientific knowledge: the mythology of demarcation]. In: *Epistemologiya & filosofiya nauki: ezhekvartal'nyi nauchno-teoreticheskii zhurnal po obshchei metodologii nauki, teorii poznaniya i kognitivnym naukam* [Epistemology & Philosophy of Science. Quarterly scientific and theoretical journal on general methodology of science, theory of knowledge and cognitive sciences] Institut filosofii Rossijskoj akademii nauk Moscow, Kanon Publ. 2008, .vol. 18. no 4, pp 88–107.
 24. Yarovenko S. A. "Objectifying" and "ontologizing" paradigms in the history of philosophical reflection of myth. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences], 2012, vol. 5, no. 2, pp. 212–221.
 25. Yarovenko S. A. [Modern socio-humanitarian knowledge: mythologism of theoretical and methodological attitudes]. In: *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education], 2010, no. 4 (33), pp. 220–228.
 26. Yarovenko S. A. [Rationality of a myth: on the question of legitimizing extra-scientific forms of knowledge] In: *Nauka, obrazovanie i sovremennye problemy dialoga kul'tur* [Science, education and modern problems of the dialogue of cultures]. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk State Agrarian University, 2002, pp. 35–39.
 27. Yashin B. L. [Rationality and logical thinking]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought], 2015, no. 10. pp. 75–87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яроенко Светлана Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева;
e-mail:yarmyth@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Yarovenko – Cand. Sci (Philosophy), Ass. Prof., Ass. Prof. Department of Philosophy and Social Science, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology;
e-mail:yarmyth@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яроенко С. А. Рациональность мифа и парадигма гносеологического плюрализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 13–22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-13-22

FOR CITATION

Yarovenko S. A. Rationality of the Myth and the Paradigm of Epistemological Pluralism. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy*. 2020. no. 4. pp. 13–22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-13-22